

А. Я. Флиер¹

ЭЛИТАРНАЯ, НАРОДНАЯ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРЫ: ДИАЛОГ НА ЭШАФОТЕ

Как известно, существует множество признаков, на основании которых можно различать и классифицировать разные культуры. Например, различия культур по этническим, конфессиональным и сословным признакам очевидны любому; чтобы увидеть их специфику, не нужно быть большим специалистом. Дифференцирование и типологизация культур по технологическим, археологическим, хозяйственно-культурным и некоторым иным признакам уже не столь очевидны, и их могут системно осуществить лишь подготовленные люди. Среди таких, не сразу бросающихся в глаза, но очень важных по существу различий представляется очень важной дифференциация культур по их социально-функциональным признакам.

Постоянно подвергаются научному исследованию (в том числе сравнительному) такие всем известные явления, как элитарная, народная и массовая культура². Элитарная и народная культура чаще всего противопоставляются по сословным и художественно-стилевым признакам, массовая культура определяется просто как отброс цивилизации³. А между тем функциональное различие их гораздо сложнее и значимость этого различия неизмеримо важнее.

Элитарная культура (правильнее называть ее креативной) по своей социальной функции ориентирована преимущественно на специализированное производство. Ее реализуют люди, в той или иной мере специально обученные своему ремеслу, а качество изготавливаемого продукта является главным критерием оценки их работы. Поэтому креативная культура ярче всего проявляет себя в эксклюзивных заказах и может быть названа «элитарной» скорее по своим заказчикам и потребителям, нежели производителям. Но следует сказать, что и социальная элита сама охотно участвует в производстве этой культуры, особенно в гуманитарно-художественных ее сегмен-

тах. Креативная культура — это *культура качества*, и она обеспечивает, прежде всего, социальную дифференциацию общества — по профессиям, сословиям, корпорациям. Представителей этой культуры объединяет общность профессиональной деятельности и ее качественные показатели. Самыми высокими оценками для этих людей являются слова «мастер», «профессионал».

Народная культура (правильнее называть ее традиционной) по своей социальной функции ориентирована на неспециализированное производство (для семьи) и на обмен (преимущественно с соседями) — материальный, информационный, социальный, культурный. Это культура бытовой соседской коммуникации, и в ней решающую роль играет обычай. Традиционную культуру реализуют в основном крестьяне — универсальные работники, способные осуществлять все хозяйственные работы и символические действия, потребные в данных условиях проживания, и основным критерием оценки того, что они делают, является соответствие традиции. Это *культура обычая*, и она обеспечивает в первую очередь этническое единство общества (т. е. коммуникационное единство). Представителей традиционной культуры объединяет прежде всего общность места проживания и оно же, как правило, является основой их идентичности. Самой важной оценкой для представителя этой культуры является понятие «местный».

И, наконец, массовая культура, которая по своей социальной функции ориентирована преимущественно на потребление — материальное, информационное, художественное и пр. Это культура толпы — зрителей в кинозале, болельщиков на стадионе, посетителей ресторана или магазина, участников туристической экскурсии, т. е. людей, объединенных случайно, обстоятельствами ситуативно возникшего краткого общего интереса. Такая культура сама ничего не производит, а только нанимает специализированных производителей для своих нужд. Это культура потребителей и регуляции их потребительских устремлений. А регуляция потребления — это задача политики. Массовая культура по своим функциям является преимущественно политической, поддерживающей порядок в ситуативных процессах массового потребления. Это *культура конъюнктуры*, сиюминутно возникающей на потребительском рынке, и она объединяет людей коллективным характером какого-либо потребления или получения удовольствия. Здесь главными идентифицирующими ярлыками являются названия предмета увлечения — панк, рокер, байкер, фанат какого-либо артиста, болельщик «Спартака» или «Зенита» и т. п.

Итак, мы имеем дело с культурами, обеспечивающими производство, обмен и потребление (разумеется, не абсолютно, а по преимуществу). Но

¹ Профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, заведующий лабораторией педагогической культурологии Института образования взрослых РАО, руководитель Научно-исследовательского центра «Школа культурного моделирования», доктор философских наук, заслуженный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Культурогенез», «Культурология для культурологов», «Некультурные функции культуры», «Культура между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса» и др.

² См., например: *Костина А. В.* Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М., 2009; *Gans H.* Popular Culture and High Culture; an Analysis and Evaluation of Taste. N. Y., 1974.

³ *Адорно Г., Хоркхаймер М.* Диалектика просвещения. М.; СПб., 1997; *Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б.* Социология контркультуры. Критический анализ. М., 1980; *Голицын Г.* Искусство «высокое» и «низкое»: системная роль элитарной субкультуры // Творчество в искусстве и искусство творчества. М., 2000; *Захаров А. В.* Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. № 7; и др.

если с признанием исторической глубины креативной и традиционной культур вопросов не возникает, то требуется установить, что же можно считать историческим предшественником массовой культуры, в своем нынешнем виде появившейся только во второй половине XIX века. Мне представляется, что это были культуры закрытых мужских коллективов, изолированных от широких социальных контактов, которых объединяло только общее потребление — криминальные банды, заключенные, военнопленные, военные наемники и т. п. Это были сообщества, по существу объединенные только «вокруг общего котла», собственно, как и посетители современных «Макдоналдсов». Другие такие чисто потребительские сообщества в истории нам неизвестны.

Теперь возникает вопрос о диалоге между названными культурными явлениями. Следует отметить, что в истории эти три типа культуры существовали совершенно автономно. Они были необычайно далеки друг от друга как по людям, производившим продукцию, так и по людям, потреблявшим ее, а главное — столь специфичны по своим ценностным установкам, что между ними не возникало не только соперничества, но даже о каком-либо их серьезном взаимодействии говорить не приходится.

Вместе с тем отсутствие прямого и непосредственного взаимодействия вовсе не говорит о том, что между этими культурами не существовало диалога. Просто этот диалог носил опосредованный характер, выражался, как правило, не в заимствовании характерных форм (имевших очень жесткую социальную привязку), а в усвоении определенных смыслов и ценностей, зарождавшихся в недрах одной социальной культуры, а затем распространявшихся в специфических формах иных. Наиболее явным образом именно элитарная культура влияла на иные социальные культуры своими престижными чертами. Но по существу своих глубинных ценностных установок и народная культура, несомненно, оказывала влияние на элитарную, хотя выраженных формальных следов это не оставляло. Массовая культура, поскольку была в данной ситуации маргинальной и, как правило, девиантной, судя по всему, в качестве источника какого-либо влияния не выступала.

Но вот наступила вторая половина XIX века. В Европе (включая Россию) и в Северной Америке начался промышленный бум, повлекший за собой невероятный размах урбанизации, сорвавший с насиженных мест сначала сотни тысяч, потом миллионы, а позднее и десятки миллионов крестьян и жителей малых городов, миллионы и десятки миллионов этнических и политических мигрантов. А ведь такое перемещение человеческих масс является не только физическим. Это в такой же мере и культурное перемещение — в среду иной культуры, иных параметров и норм социальной справедливости, иных символических систем и т. п. Но главное — это перемещение миллионов людей в социальную ситуацию, где совершенно отсутствуют веками складывавшиеся обычаи, всегда игравшие такую значимую

роль в процессах социальной стабилизации, делавшие людей совершенно предсказуемыми и социально комфортными в глазах соседей. В процессе этих миграций началось фактическое размывание социальных оснований традиционной культуры.

В новых условиях на замену традиционной культуре начала формироваться массовая культура, упорядочивающая социальное поведение людей не на основе исторической традиции, а на основе общих потребительских интересов. Здесь не место спорить о том, сколь удачной оказалась эта замена. Свою социальную стабилизирующую функцию массовая культура выполняет весьма успешно, ну а то, что старшему поколению не нравятся рок-н-ролл, фастфуд и реклама по телевидению, — это еще не самое страшное.

Проблема видится совершенно не в этом. Проблема заключается в том, что массовая культура оказалась настолько успешной в своих стабилизационных функциях, настолько универсальной и настолько удобной в практической жизни для всех социальных слоев, что она начала постепенно вытеснять все иные культуры из социальной практики, по крайней мере, на уровне повседневного быта. И тогда заработала «культурная гильотина», отсекающая сегменты элитарной и традиционной культур, теряющие свою социальную актуальность и продуктивность.

Все мы хорошо помним то явление, которое мы до сих пор называем «интеллигентской бытовой культурой», имевшей распространение в жизни отечественной городской интеллигенции еще несколько десятилетий назад. Что осталось от нее в наши дни? Судя по всему, интеллигентская культура во все большей мере начинает превращаться только в культуру профессиональной деятельности и профессионального потребления. Мы уже интеллигенты по профессии, а не по социальному и культурному состоянию. На работе и в выходах в «свет» мы еще в состоянии соблудности наш интеллектуальный лоск. На уровне же дома, быта, телевизора, повседневного потребления современная российская интеллигенция практически полностью перешла на стандарты массовой культуры, поскольку она технически удобней, отнимает меньше времени, что в гонке нашей сумасшедшей жизни является немаловажным фактором, требует меньше интеллектуальных усилий, столь важных в нашей профессиональной работе. Что же касается самой высокой культуры, здесь важно подчеркнуть то, что не только производителями, но и основными потребителями ее становятся профессионалы соответствующего профиля. Постоянно приходится слышать от музыкантов, что на концертах классической музыки основную часть публики уже составляют сами же музыканты, при неуклонном сокращении иных слушателей. Это практическое наблюдение за нашей действительностью. Но, судя по книгам западных исследователей современной культуры, и там происходит то же самое, хотя и своих, специфических для западной культуры формах¹. Таким образом, то,

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002; Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 2001; Эко У. Полный наезд. М., 2007; и др.

что мы называем элитарной (креативной) культурой, все больше и больше замыкается в сфере сугубо профессиональной деятельности и потребления, фактически вытесняется в эту сферу. На уровне же приватной жизни массовая культура становится всеобщей и всеобщей.

Еще сложнее ситуация с традиционной народной культурой. На протяжении всего XX века эта культура неуклонно теряла свои социальные позиции, поскольку фактически размывалась ее социальная база — крестьянство. По существу к концу XX века в промышленно развитых странах Европы и Северной Америки крестьянство сохранилось только в районах со сложными природными условиями, где современные механизированные формы сельского хозяйства неэффективны (например, у горцев). Там еще мы находим очаги традиционной народной культуры в ее «живом», естественном проявлении. Но этой культуры мы уже практически не знаем. Нам она представлена главным образом в виде сценических имитаций, в исполнении профессиональных артистов. Фактически в современном обществе традиционная культура превращается в исторический реликт, музейный экспонат, сохраняемый главным образом на потребу туристам — иностранным и внутренним.

Но ведь носители традиционной культуры отличаются не только особыми навыками трудовой деятельности, но и специфической психологией. Это люди с «коллективным лицом», выражающие нормы и интересы всего сельского сообщества¹ и высоко конкурентоспособные именно в коллективных условиях жизни и деятельности. И люди с такой психологией и социальной конкурентоспособностью такого типа ныне живут не только в деревне. Они уже живут повсюду, и в современных городских условиях воплощаются в характерном типе социальных аутсайдеров. Они не могут успешно конкурировать с более образованными, а главное — психологически более пластичными горожанами, которые в своей деятельности опираются не столько на порядок согласования между соисполнителями, как в деревне, а на личную инициативу и выраженную личную индивидуальность.

Именно для таких социальных аутсайдеров традиционная культура становится определенной «культурной резервацией», в границах которой они получают необходимую психологическую компенсацию, а нередко и социальную поддержку. Сейчас многие авторы пишут о заметных тенденциях неоархаизации в современной культуре². Разумеется, причин этого явления много. Но одной из важнейших причин, как представляется, является потребность в психологической компенсации для социальных аутсайдеров, что достигается их обращением к формам традиционной культуры.

¹ Костина А. В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М., 2009.

² См., например, Хачатурян В. М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М., 2009.

Но это обращение выражается не только в участии в фольклорных коллективах. 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и недавние взрывы в московском метро — это тоже проявления традиционной культуры, «огрызающей» под натиском социального прогресса. Это даже не столько борьба за возвращение достойного социального статуса для традиционной культуры (его отстоять уже не удастся), сколько акции возмездия победителю со стороны проигравшего. Что называется, «умирать, так с музыкой». Сегодня эти акции совершаются преимущественно исламскими экстремистами, завтра в это могут включиться самые неожиданные силы.

Итак, подведем итоги. Мирное сосуществование трех социально-функциональных культур закончилось. Начался процесс радикальных перемен в социокультурном устроении человечества, по крайней мере, в обществах, находящихся на переходе от индустриальной стадии развития к постиндустриальной. Общие параметры этого нового устроения видятся такими.

Центральное место в современном социокультурном комплексе решительно занимает массовая культура, принимающая на себя роль универсальной культуры повседневности и тотально (глобально) регулирующая бытовое жизнеустройство и досуг всех социальных слоев. Ее абсолютная победа на этой площадке социального бытия определяется такими качествами, как чрезвычайная пластичность, алгоритмическое удобство, интеллектуальная и символическая простота. Представители высокой культуры охотно пользуются ее услугами, поскольку массовая культура является наиболее экономной по временным, техническим и интеллектуальным затратам на свое использование. Это культура «быстрой еды» во всех прямых и аллегорических смыслах. Для малообразованных слоев массовая культура хороша простотой своих символических кодов, понятностью культурных смыслов и социальных установок. Эта культура становится основной и фактически бесконкурентной на рынке потребления и развлечения.

Элитарная (креативная) культура локализуется в зоне преимущественно специализированной профессиональной деятельности и потребления. Ее художественная часть проходит процесс откровенной музеефикации, локализуется в качестве экспоната эксклюзивного потребления. Но при этом существенно возрастает социальная значимость ее познавательной составляющей. Элитарная культура превращается в специализированную индустрию производства новых знаний и смыслов, что, собственно, и является главной целью постиндустриального развития. Креативная культура и раньше успешно выполняла такую функцию, но никогда прежде она не была настолько сконцентрирована на ней. Теперь же все не основные, функционально второстепенные сегменты этой культуры, например, сословно-бытовые, последовательно отсекаются гильотиной жесткой функциональной специализации.

Весьма сложными и размытыми представляются исторические перспективы традиционной культуры (разумеется, речь идет о промышленно развитых странах, где крестьянства в классическом виде уже практически не осталось). Ее художественная часть уже полностью поглощена сценической имитацией; ее материально-бытовая практика уже фактически подавлена более доступными товарами массового промышленного производства. Традиционная культура стремительно теряет свои утилитарные, жизнеобеспечивающие функции и превращается в культуру преимущественно символическую. Для политической власти традиционная культура давно уже является чисто идеологическим явлением, манифестируемым в пропагандистских целях. В своих же социальных параметрах эта культура становится специализированной культурой социальных аутсайдеров, их «культурной резервацией», где она сохраняет сильные позиции как «прибежище людей, не задействованных в социальном прогрессе», и, возможно, это и станет ее основной социальной функцией.

Но означает ли все это, что в новых условиях между тремя культурами прекратился всякий диалог? Ни в коей мере. Просто он в современных условиях осуществляется в особенных проявлениях.

Конечно, активная мода на заимствование элитарной культурой своеобразных форм народной культуры, характерная для второй половины XIX — начала XX веков и связанная с завершающим этапом формирования буржуазных наций и актуализацией этноспецифических черт европейских культур, уже ушла в прошлое. Хотя и сейчас сохраняется достаточно высокая популярность «этнического искусства», но она основывается совершенно на иных началах — не на актуализации этнического чувства населения, а на высокой коммерческой привлекательности для туристов всякой этнической экзотики (а этническим чувством на лотках не торгуют).

Серьезный диалог между элитарной и традиционной культурами ныне идет совершенно в ином — прежде всего в процессах переживания националь-

ной истории, в этнокультурной исторической памяти. Здесь, в проблемном поле исторической памяти, бесписьменная народная культура только в течение XX века начала занимать достойное место наряду с городской культурой правящих слоев. Видимо, этот процесс будет развиваться и дальше, поскольку уже сейчас ясно, что история государства и история народа — это не совсем одно и то же. Сегодня диалог между элитарной и народной культурами осуществляется преимущественно на площадке исторической памяти.

Диалог между элитарной и массовой культурой идет уже давно и воплощается в первую очередь в том, что массовая культура поставляет элитарной коммерчески наиболее успешные формы, позволяющие элитарной культуре выживать в современных условиях. А элитарная культура поставляет массовой культурные смыслы и содержательные паттерны, которые сама массовая культура не в состоянии породить. Этот взаимообмен представляется достаточно продуктивным и в то же время сугубо утилитарным, техническим, не способным породить новые культурные ценности.

И, наконец, диалог между массовой и народной культурами производит впечатление наименее очевидного и плодотворного. Массовая культура просто заимствует из народной отдельные формы, которые имеют успех у потребителя как экзотические, и использует их в своих контекстах, не имеющих никакого отношения к традиционным.

Дальнейшее развитие событий, как представляется, будет зависеть от того, как быстро в рамках массовой культуры станут возникать новые обычаи, т. е. сколь скоро она станет превращаться в новую традиционную культуру теперь уже городского населения. Новейшие исследования показывают, что такие процессы уже начались¹. Но очень трудно предсказать себе, каких своих сегментов еще лишатся элитарная и старая традиционная культуры в векторе развивающегося социокультурного тренда усиления функциональной специализации культур.

Ведь эшафот истории работает без выходов...

¹ *Сурова Е. Э. Иконические традиции современности // Новые традиции. СПб., 2009.*